

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jxpcqi>

Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками

Скорова Лариса Владимировна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>

Scopus Author ID: 57208554057

larisa.skorova@gmail.com

Новгородцева Яна Владимировна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0009-0008-8018-2911>

Аннотация: Динамичность социально-культурных процессов, происходящих в современном мире, способствует качественному пересмотру содержания ролей, семейных отношений, понимания родительства. Наблюдается разделение сфер психологического взаимодействия между родителями, трансформация статуса отца. В связи с этим значимым представляется исследование характера взаимодействия современных отцов со своими детьми-подростками. Характеристики взаимодействия отца и ребенка-подростка изучались с помощью методик PARI Е. С. Шефер и Р. К. Белл (в адаптации Т. В. Нещерет), «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская), родительская идентичность и установки – с использованием опросника Дж. Плека. Согласованность характеристик взаимодействия отцов с детьми определялась коэффициентом Спирмена, различия в характеристиках взаимодействий в оценках отцов и детей устанавливались с использованием U-критерия Манна-Уитни. Представлены результаты оценки отцами и их детьми (40 пар *отец – подросток*) характеристик взаимодействия друг с другом. Обосновано, что, по мнению подростков, основным показателем взаимодействия отца с ребенком является отсутствие строгости в их отношениях, а по мнению отцов – эмоциональная близость родителя и подростка. Различий в оценке взаимодействий между отцами и детьми не обнаружено. Отцы и дети-подростки демонстрируют единство в оценке своих отношений: отец является нестрогим, а особенностями их взаимодействия является принятие, сотрудничество и последовательность со стороны отца. Значимым параметром, описывающим особенности взаимодействия в диаде *отец – ребенок-подросток*, является эмоциональная близость, которая является зоной особого внимания со стороны специалистов, работающих с запросом от родителей по коррекции детско-родительских отношений на этапе подросткового кризиса ребенка.

Ключевые слова: отцовство, детско-родительские отношения, взаимодействие отцов с детьми, отношения отцов с подростками, субъективная оценка подростков отношений с родителями, характеристики отношений

Цитирование: Скорова Л. В., Новгородцева Я. В. Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 314–322. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-314-322>

Поступила в редакцию 14.01.2024. Принята после рецензирования 28.02.2024. Принята в печать 04.03.2024.

full article

Subjective Assessment of Father – Teenage Child Interaction

Larisa V. Skorova

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>

Scopus Author ID: 57208554057

larisa.skorova@gmail.com

Yana V. Novgorodtseva

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0009-0008-8018-2911>

Abstract: The current dynamic socio-cultural processes lead to a qualitative revision of family roles, family relationships, and parenthood. The psychological interaction between parents has changed, as has the father's status. This study featured the interaction between 40 fathers and their teenage children. The authors used the PARI method by E. S. Schaefer and R. K. Bell as adapted by T. V. Neshcheret, the Parent-Child Interaction method developed by I. M. Markovskaya,

and J. Pleck's Fatherhood and Masculinity Questionnaire. The consistency was determined by the Spearman's correlation coefficient while the differences in the assessments provided by fathers and children were measured using the Mann – Whitney U test. For the teenagers, the main interaction indicator appeared to be the lack of strictness whereas their fathers stressed the emotional closeness. The comparative analysis revealed no significant differences between the assessments given by the fathers and the children: the father was described as not strict, accepting, cooperative, and consistent. Emotional closeness proved to be the most significant parameter in the father – teenage child interaction. Emotional closeness requires special attention from specialists that help parents and children overcome the adolescent crisis.

Keywords: fatherhood, parent – child relationships, father – child interaction, relationships between fathers and their adolescent children, subjective assessment relationships between teenagers and parents, characteristics of relationships

Citation: Skorova L. V., Novgorodtseva Ya. V. Subjective Assessment of Father – Teenage Child Interaction. *SibScript*, 2024, 26(2): 314–322. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-314-322>

Received 14 Jan 2024. Accepted after peer review 28 Feb 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

Феномен отцовства в современной психологической науке и практике не случайно привлекает внимание исследователей. В условиях динамичности происходящих социально-культурных процессов в современном мире меняется содержание ролей, семейных отношений и родительства, происходит разделение сфер психологического взаимодействия между родителями, трансформируется статус отца. Многие исследователи указывают на кризис отцовства, который характеризуется, в частности, неопределенностью границ и форм проявления отца в отношениях с детьми. Значимым представляется исследование характера взаимодействия современных отцов со своими детьми-подростками.

Влияние отца на развитие личности ребенка изучалось психоаналитиками [Гулина, Васильева 2018; Клепцов, Клепцова 2023], представителями теории семейных систем [Варга, Хамитова 2005] и психологии детско-родительских отношений [Борисенко, Портнова 2006] и др. Исследование проблем отцов и отцовства привлекает особое внимание исследователей в последние десятилетия. Так, описаны феномены вовлеченного отцовства [Авдеева, Хоффман 2019; Янак 2018; Lamb et al. 1987], социального отцовства [Шевченко 2023], ответственное родительство [Безрукова 2016], модели отцовства [Безрукова, Самойлова 2022; Чикалова 2016], типы отцов [Архиреева 2012; Бекетова, Мамедова 2022; Schneider 1989] и отцовского поведения [Marks, Palkovitz 2004]. Отмечается сдвиг от традиционного к новому отцовству, эмоциональная вовлеченность отцов в заботу о ребенке наряду с сомнениями в родительской компетентности [Безрукова, Самойлова 2022; Клепцов, Клепцова 2021].

Обоснованы значимость вклада отца в развитие и взросление ребенка [Авдеева, Хоффман 2019; Бекетова, Мамедова 2022; Борисенко, Портнова 2006; The role of the father... 2010], прочность отношений с детьми у вовлеченных отцов [Безрукова, Самойлова 2022], детерминированность отцовских качеств ценностными ориентациями, признаваемыми обществом на конкретном этапе его развития [Безрукова 2016], успешности детей от благоприятной психологической атмосферы, создаваемой отцами дома [Baker 2016; Downer et al. 2008], условия становления положительного отношения отца к ребенку (внутренняя мотивация и сформированные семейные ценности) [Архиреева 2012]. Описаны родительский потенциал отцов [Безрукова 2016], этапы развития отцовства [Клепцов, Клепцова 2021]. Представлена эволюция научных исследований отцовства в социально-психологическом аспекте [Шевченко 2023], определены основные направления исследования роли отца в родительстве [Антипова 2019]. Осуществлен анализ архетипов отцовства, выделены функции мужчины в отцовстве [Клепцов, Клепцова 2021]. Отмечается смена представлений об отцовстве в обществе и противоречивость установок в отношении отцовства у современных мужчин [Клепцов, Клепцова 2021]. Представлены результаты исследований, в которых обосновываются трудности отцов в воспитании детей и общении с ними, отмечается недостаточное осознание им своей роли в жизни ребенка [Бекетова, Мамедова 2022], описываются взаимодействия между отцом и ребенком [Карельская 2015; Рождественская 2010].

Однако значительное количество исследований роли отца посвящено отношениям с детьми дошкольного возраста. Отмечается, что отцы большое внимание уделяют эмоциональной поддержке своих детей, создают стабильные социальные отношения [Латышева 2013; Токарева и др. 2014; Шевченко 2023]. В качестве основных характеристик ответственного отцовства указываются эмоциональная близость с детьми, вовлеченность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком, забота, ответственность за развитие [Шевченко 2023], взаимодействие, реагирование на потребности ребенка, ответственность о благополучии детей [Lamb et al. 1987]. Отмечается, что выраженную строгость в отношениях с детьми демонстрируют менее 50 % родителей [Колодина 2016]. Перспективным считается комплексный анализ феномена отцовства в системе детско-родительских отношений [Чикалова 2016].

Цель данного исследования – выявить характеристики взаимодействия отца с детьми подросткового возраста. Мы исходили из предположения о том, что отцы осознают свою роль в становлении личности подростка и одной из особенностей их взаимодействия с детьми является отсутствие строгости в отношениях. Кроме того, мы полагали, что существует связь между характеристиками отношений отца с подростками с видением этих отношений самими подростками.

Для верификации гипотезы нами были проанализированы основные подходы к описанию типов отцовства и характеристик взаимодействия отцов с детьми, исследованы уровень вовлеченности отца в жизнь ребенка, идентичность родителя в семье и характеристики, описывающие взаимодействие отца с подростком.

Феномен отцовства рассматривается как компонентное образование, включающее вовлеченность отца в жизнь ребенка, идентичность его семейной роли и характеристики взаимодействия с подростком.

Методы и материалы

В зависимости от поставленных задач использовались теоретические и диагностические методы. Оценка установки на вовлеченное отцовство в жизнь ребенка осуществлялась с использованием Шкалы отцовских установок (Дж. Плек) [Борисенко 2007]. Отцам предлагалось оценить высказывания по 4-балльной шкале. Показатель менее 8 баллов свидетельствовал

о невключенности в жизнь ребенка и избегании ответственности, нежелании общаться с ним, менее 16 – неответственном отношении к ребенку, менее 23 – непонимании отцом своей роли в развитии личности, 24 и более – вовлеченном отцовстве, понимании отцом своей роли в развитии ребенка. Полученные ответы позволили определить установки на вовлеченное отцовство по следующим характеристикам:

- исключенность из жизни ребенка и избегание ответственности, нежелание отца общаться с ребенком, в данном случае ребенок воспринимается отцом как обуза;
- избегание или редкое общение, неответственное отношение к ребенку;
- непонимание роли отца в развитии личности ребенка, общение по случаю;
- вовлеченность в жизнь ребенка, ответственное отношение к родительству и понимание роли отца в развитии личности.

Изучение родительской идентичности отца в семье осуществлялось с использованием шкал Опросника родительской идентичности (Дж. Плек) [Борисенко 2007]. По 5-балльной шкале отцы оценивали утверждения по 2 шкалам родительской идентичности (в уходе за ребенком и в роли кормильца). На основании суммирования баллов по шкалам определялась идентификация отцом своей семейной роли как родителя, осуществляющего уход за ребенком или как родителя-кормильца своей семьи.

Оценка отцовско-детского контакта с точки зрения его оптимальности осуществлялась с помощью методики измерения родительских установок (PARI) Е. С. Шефер и Р. К. Белл (в адаптации Т. В. Нещерет)¹. В исследовании использовался блок шкал, направленный на выявление отношений родителей к детям. Отцам предлагалось оценить утверждения (по 4-балльной шкале), касающиеся воспитания детей. В целях данного исследования отцам было предложено оценивать утверждения в отношении своих собственных детей, а не детей вообще. Оценка отцовско-детского контакта с точки зрения его оптимальности осуществлялась путем сравнения средних оценок по шкалам:

- оптимальный эмоциональный контакт: побуждение словесных проявлений, вербализации, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравнительные отношения между родителями и ребенком;

¹ Методика PARI (Е. С. Шефер, Р. К. Белл; адаптация Т. В. Нещерет). *Психологические тесты*, ред. А. А. Карелин. М.: ВЛАДОС, 2001. Т. 2. С. 130–143.

- излишняя эмоциональная дистанция отца со своим ребенком: раздражительность, вспыльчивость, суровость, излишняя строгость, уклонение от контакта с ребенком;
- излишняя концентрация на ребенке: чрезмерная забота, установление отношений зависимости, преодоление сопротивления, подавление воли, создание безопасности / опасение обидеть, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка, стремление ускорить развитие ребенка.

Особенности взаимодействия отцов с сыном / дочерью выявлялись с использованием методики «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская) [Марковская 1998], вариант для подростков и их родителей по шкалам: нетребовательность – требовательность родителя, мягкость – строгость родителя, автономность – контроль родителя по отношению к ребенку, эмоциональная дистанция – близость ребенка к родителю, отвержение – принятие ребенка родителем, отсутствие – наличие сотрудничества, несогласие – согласие между ребенком и родителем, непоследовательность – последовательность родителя, авторитетность родителя, удовлетворенность отношениями ребенка с родителем. Отцы и их дети-подростки одновременно осуществляли оценку своего видения взаимодействия (отцы с детьми, дети с отцами). Отцам и их детям присваивался один шифр, чтобы можно было оценить схожесть или, наоборот, расхождения на видение характера взаимодействия со стороны отца и ребенка.

Кроме того, использовалась шкала лжи с целью исключения из выборки тех респондентов, которые искажают факты и информацию при ответах на вопросы.

Обработка результатов исследования осуществлялась с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена и U-критерия Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие: мужчины-отцы в возрасте 40–46 лет, с высшим образованием, имеющие детей подросткового возраста, а также их дети в возрасте 12–15 лет. Выборка формировалась с учетом состава семьи (полные семьи), наличия 2-х детей (один из них подросток), месту и условиям проживания (город, обеспеченные семьи). В выборку вошли успешные отцы, имеющие достижения в профессиональной деятельности и заинтересованные в выстраивании продуктивных отношений со своими взрослеющими детьми. В выборке было представлено равное коли-

чество подростков-мальчиков и девочек. На первом этапе исследования приняли участие 219 отцов и 111 подростков, из которых сформировалось 40 пар (отец – подросток), показавшие низкий результат по шкале лжи.

Результаты

Результаты исследования отцовских установок показали, что абсолютное большинство отцов понимают свою роль в развитии личности своего ребенка и демонстрируют вовлеченность в его жизнь. Все отцы идентифицируют себя с родителем, осуществляющим уход за ребенком и отвечающим за его воспитание и развитие, а не с родителем-кормильцем. Характер отношений с детьми, по мнению отцов, мягкий: три четверти считают себя нестрогим родителем в отношениях со своим подростком, половина отцов принимают подростка таким, какой он есть, чуть больше половины опрошенных отцов проявляют сотрудничество во взаимодействии с подростком. При этом лишь 35 % отцов отметили свою последовательность в отношениях с ребенком.

При оценке отцами своего контакта с детьми-подростками по шкалам, описывающим оптимальный эмоциональный контакт (побуждение словесных проявлений / вербализации, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравниательные отношения между родителями и ребенком), они набрали 13–15 баллов из 20 возможных, признак считается не выраженным, но имеющим тенденцию к росту. По шкалам, описывающим излишнюю эмоциональную дистанцию с ребенком (раздражительность / вспыльчивость, суровость / излишняя строгость, уклонение от контакта с ребенком), отцы получили от 10 до 12 баллов, что также не является выраженным признаком, но он имеет тенденцию к снижению. По шкалам, описывающим излишнюю концентрацию на ребенке (чрезмерная забота / установление отношений зависимости, преодоление сопротивления / подавление воли, создание безопасности / опасение обидеть, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности; подавление сексуальности; чрезмерное вмешательство в мир ребенка; стремление ускорить развитие ребенка), отцы набрали от 12 до 14 баллов – признак не является выраженным, но имеет тенденцию к снижению.

Полученные результаты позволяют констатировать, что отцы используют поощрительные вербальные проявления (поддерживают, хвалят подростка), характер взаимодействия отцов с подростком чаще имеет партнерские отношения (взаимодействие

на равных). Кроме того, отношения отцов с подростками – нестрогие, не избегающие контакта друг с другом, остро не выражено раздражение и гиперопека, не происходит подавление воли, что важно для подростка. Таким образом, мы можем наблюдать тенденцию – стремление отцов к улучшению эмоционального контакта, снижению эмоциональной дистанции с ребенком и излишней концентрации на подростке.

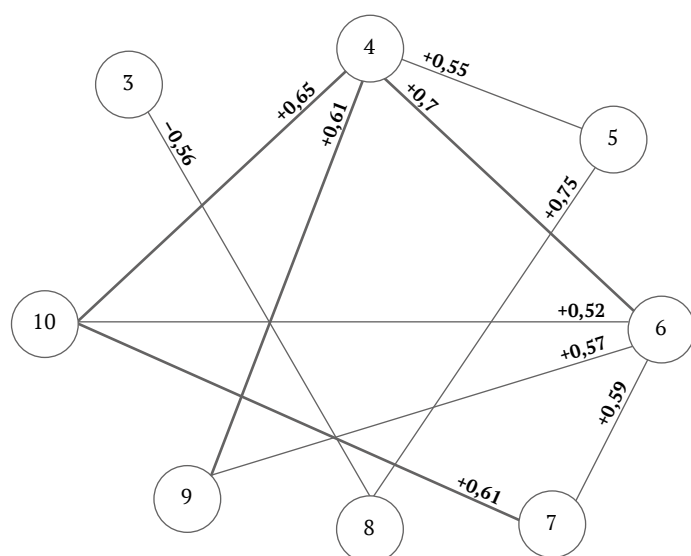
Рассмотрим результаты видения отцами характера своих отношений с детьми. На основании оценки отцами особенностей отношений со своими детьми были установлены корреляционные связи между параметрами взаимодействия с детьми-подростками (рис. 1). На рисунке жирными линиями обозначены более сильные взаимосвязи между шкалами, в отличие от тонких линий, где связь есть, но она слабее.

Взаимосвязь характеристик взаимодействия отцов с детьми-подростками осуществлялась с помощью процедуры корреляционного анализа значений характеристик взаимодействия по шкалам методики «Взаимодействие родитель – ребенок». Наибольшее количество связей выявлено по параметру *эмоциональная дистанция ребенка к родителю* (шкала 4) с такими характеристиками взаимодействия, как отвержение ребенка родителем (шкала 5; $r = 0,55$; $p = 0,05$), сотрудничество (шкала 6; $r = 0,7$; $p = 0,002$), авторитет родителя (шкала 9; $r = 0,61$; $p = 0,04$) и удовлетворенность отношениями родителя с ребенком (шкала 10; $r = 0,65$; $p = 0,3$). Это свидетельствует о том, что отец принимает своего ребенка, если испытывает к нему

эмоциональную близость; при эмоциональной близости отца с ребенком-подростком в их отношениях есть сотрудничество; авторитет отца растет и он испытывает больше удовлетворенности от отношений со взрослеющим ребенком.

Выявлено, что отвержение родителем ребенка (шкала 5) связано с непоследовательностью родителя (шкала 8) ($r = 0,75$; $p = 0,02$): чем больше отец принимает своего взрослеющего ребенка, тем последовательнее он в своих действиях. Кроме того, согласие между ребенком и родителем (шкала 7) положительно связано с удовлетворенностью отношениями родителя с ребенком (шкала 10) ($r = 0,61$; $p = 0,05$): удовлетворенность отношениями с ребенком у отца растет пропорционально согласию в их отношениях. Сотрудничество (шкала 6) связано с согласием (шкала 7; $r = 0,59$; $p = 0,3$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,57$; $p = 0,5$) и удовлетворенностью отношениями родителя с ребенком (шкала 10; $r = 0,52$; $p = 0,3$ соответственно): при сотрудничестве с ребенком у отца возрастает согласие в отношениях и авторитет.

Отрицательная корреляция обнаружена между автономностью родителя по отношению к ребенку (шкала 3) и непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = -0,56$; $p = 0,05$): чем больше автономности проявляет отец по отношению к своему подростку, тем больше проявляется последовательности в его действиях; если в этих отношениях отец непоследователен, не постоянен в своих требованиях, контроль со стороны родителя возрастает.

Прим.: 3 – автономность / контроль родителя по отношению к ребенку; 4 – эмоциональная дистанция / близость ребенка к родителю; 5 – отвержение / принятие родителем ребенка; 6 – отсутствие / наличие сотрудничества; 7 – несогласие / согласие между ребенком и родителем; 8 – непоследовательность / последовательность родителя; 9 – авторитет родителя; 10 – удовлетворенность отношениями отца с ребенком
Note: 3 – parent-to-child autonomy / control; 4 – child-to-parent emotional distance / closeness; 5 – rejection / acceptance of the child by the parent; 6 – absence / presence of cooperation; 7 – disagreement / agreement between the child and the parent; 8 – inconsistency / consistency of the parent; 9 – authority of the parent; 10 – satisfaction with the relationship between the father and the child

Рис. 1. Согласованность характеристик взаимодействия с ребенком по оценке отцов (r)

Fig. 1. Consistency of characteristics of interaction with the child as assessed by fathers (r)

Таким образом, наибольшее количество связей, описывающих характеристики взаимодействия отцов с подростками, обнаружено по шкале эмоциональная дистанция – близость ребенка к родителю. Вероятно, можно говорить о том, что эмоциональная близость отцов к своим детям-подросткам является одной из ведущих характеристик взаимодействия, которая может способствовать качественному изменению всех других особенностей подростково-отцовского взаимодействия.

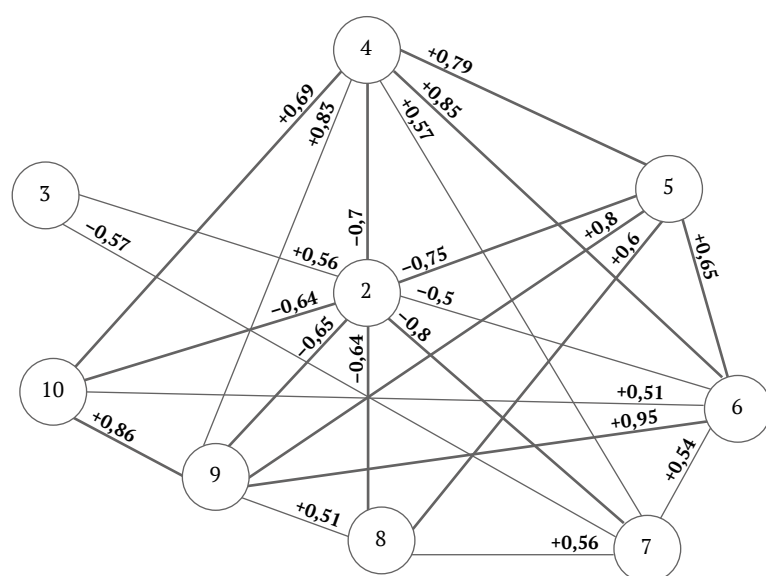
Оценка подростками характера отношений с отцами также позволила установить связи между шкалами, описывающими параметры их взаимодействия (рис. 2). На рисунке жирными линиями обозначены более сильные взаимосвязи между шкалами, в отличие от тонких линий, где связь есть, но она слабее.

Наибольшее количество значимых связей выявлено по шкале 2 (мягкость – строгость родителя): положительная – с автономностью по отношению к ребенку (шкала 3; $r = 0,56$; $p = 0,3$): чем менее строгий отец, тем больше автономии в их отношениях с подростками; отрицательная – с эмоциональной дистанцией ребенка к родителю (шкала 4; $r = -0,7$; $p = 0,2$), отвержением ребенка родителем (шкала 5; $r = -0,75$; $p = 0,3$), сотрудничеством (шкала 6; $r = -0,5$; $p = 0,4$), несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = -0,8$; $p = 0,3$), непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = -0,64$; $p = 0,4$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = -0,65$; $p = 0,4$) и удовлетворенностью

отношениями ребенка с родителем (шкала 10; $r = -0,64$; $p = 0,5$): нестрогий отец способствует таким особенностям взаимодействия, как эмоциональная близость, принятие, сотрудничество, согласие и последовательность; при снижении строгости в отношениях между папой и ребенком растет его авторитет и удовлетворенность подростка отношениями с отцом.

Отрицательная корреляция обнаружена между автономностью родителя по отношению к ребенку (шкала 3) и несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = -0,57$; $p = 0,5$): с увеличением автономности между подростком и отцом появляется больше согласия в их отношениях, а с увеличением контроля отцом подросток проявляет сопротивление, и их взаимодействие характеризуется несогласием.

Выявлена положительная связь эмоциональной дистанции ребенка к родителю (шкала 4) с отвержением ребенка родителем (шкала 5; $r = 0,79$; $p = 0,1$), отсутствием сотрудничества (шкала 6; $r = 0,85$; $p = 0,1$), несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = 0,57$; $p = 0,3$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,83$; $p = 0,1$) и удовлетворенностью отношениями ребенка с родителем (шкала 10; $r = 0,69$; $p = 0,2$): чем больше эмоциональной близости в отношениях с отцом испытывает подросток, тем больше в их взаимоотношениях принятия, сотрудничества и согласия, растет авторитет родителя в глазах ребенка, и подросток испытывает удовлетворенность отношениями со своим отцом.

Прим.: 2 – мягкость / строгость родителя; 3 – автономность / контроль родителя по отношению к ребенку; 4 – эмоциональная дистанция / близость ребенка к родителю; 5 – отвержение / принятие родителем ребенка; 6 – отсутствие / наличие сотрудничества; 7 – несогласие / согласие между ребенком и родителем; 8 – непоследовательность / последовательность родителя; 9 – авторитет родителя; 10 – удовлетворенность отношениями отца с ребенком

Note: 2 – softness / severity of the parent; 3 – parent-to-child autonomy / control; 4 – child-to-parent emotional distance / closeness; 5 – rejection / acceptance of the child by the parent; 6 – absence / presence of cooperation; 7 – disagreement / agreement between the child and the parent; 8 – inconsistency / consistency of the parent; 9 – authority of the parent; 10 – satisfaction with the relationship between the father and the child

Рис. 2. Согласованность характеристик взаимодействия с отцом по оценке подростков (r)

Fig. 2. Consistency of characteristics of interaction with father as assessed by teenagers (r)

Обнаружена положительная связь отвержения ребенка родителем (шкала 5) с отсутствием сотрудничества (шкала 6; $r = 0,65$; $p = 0,2$), непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = 0,6$; $p = 0,2$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,8$; $p = 0,1$): чем больше подросток испытывает принятия со стороны отца, тем больше проявляет сотрудничества и последовательности в отношениях с ним, повышается авторитет и удовлетворенность отношениями с отцом.

Кроме того, установлены положительные связи сотрудничества (шкала 6) с несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = 0,54$; $p = 0,5$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,95$; $p = 0,05$) и удовлетворенностью отношениями ребенка с родителем (шкала 10; $r = 0,51$; $p = 0,1$): сотрудничество в отношениях отца и подростка способствует росту авторитета первого и удовлетворенности отношениями с отцом второго.

Выявлено, что несогласие между ребенком и родителем (шкала 7) связано с непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = 0,56$; $p = 0,3$): последовательность отца в отношениях с ним повышает авторитет для ребенка. Последовательность родителя (шкала 8) связана с авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,51$; $p = 0,5$): в глазах подростка последовательность отца в отношениях с ним повышает авторитет для ребенка. Удовлетворенность отношениями ребенка с родителем (шкала 10) связана с авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,86$; $p = 0,2$): с ростом авторитета отца повышается удовлетворенность подростка отношениями с ним.

Таким образом, наибольшее количество связей, описывающих характеристики взаимодействия подростков со своими отцами, обнаружено по шкале *мягкость – строгость родителя*, что может свидетельствовать о том, что для подростков важным представляется установление отцом адекватных (нестрогих) правил во взаимоотношениях, нежесткое принуждение к чему-либо. Вероятно, эта характеристика, по мнению подростков, может определять другие особенности отношений с отцом.

Анализ значений характеристик взаимодействий отцов с детьми (U-критерия Манна-Уитни) показал отсутствие различий между отцами и детьми ($p > 0,5$). В связи с этим можно предположить, что в характеристиках взаимодействия отцов со своими детьми-подростками нет разногласий.

Анализ результатов исследования послужил основой для разработки программы психологического

просвещения отцов, направленной на развитие продуктивных отношений с ребенком, переживающих подростковый кризис. С этой целью был разработан Телеграм-канал «Отцы и дети»², в структуре которого было выделено пять блоков: Просто о сложном; Кризисный возраст: как пережить; Родительская аптечка; Сказки и притчи (философские и психологические сказки и притчи об отношениях отцов и детей); Вопросы и ответы: обсуждаем, что тревожит в отношениях с детьми. Полученная от отцов обратная связь (в виде опроса в канале после 6 месяцев его функционирования) свидетельствует об интересе к представленной информации (100 %), использовании ее в отношениях с детьми (86 %). Все отцы отметили, что стали лучше понимать своих детей.

Заключение

Результаты исследования показали вовлеченность отцов в жизнь ребенка, ответственное отношение к родительству и понимание своей роли в развитии личности подростка. Отец идентифицирует свою семейную роль как роль родителя, отвечающего за воспитание и развитие ребенка. Отцы стремятся к улучшению эмоционального контакта, снижению эмоциональной дистанции с ребенком и излишней концентрации на подростке. Отцы и дети-подростки демонстрируют единство в оценке своих отношений: отец является нестрогим, а особенностями их взаимодействия является принятие, сотрудничество и последовательность со стороны отца. Отцы и подростки в равной степени удовлетворены своими отношениями друг с другом.

Исследование субъективной оценки обнаружило, что основной характеристикой отношений с детьми-подростками, по мнению отцов, выступает их эмоциональная близость, которая может способствовать качественному изменению всех других особенностей подростково-отцовского взаимодействия, по мнению подростков, такой характеристикой является отсутствие строгости в отношениях. Полученные результаты могут свидетельствовать и о формировании образа мягкого отца в представлении подростков. Этот феномен требует дальнейшего исследования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

² Отцы и дети. URL: https://t.me/+_FdOpPJ_MwU3MGVi (дата обращения: 20.12.2023).

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. В. Скорова – разработка дизайна исследования, сбор эмпирического материала, обобщение материалов, написание и редактирование

статьи. Я. В. Новгородцева – сбор эмпирического материала, обработка и анализ данных.

Contribution: L. V. Skorova designed the research, collected the empirical material, generalized the materials, wrote and proofread the article. Ya. V. Novgorodtseva collected the empirical material, as well as processed and analyzed the data.

Литература / References

- Авдеева Н. Н., Хоффман Б. Я. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями. *Современная зарубежная психология*. 2019. Т. 8. № 4. С. 69–78. [Avdeeva N. N., Hoffman B. Ya. Current research on adolescents' relationships with parents. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2019, 8(4): 69–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407>
- Антипова О. Л. Психология отцовства: тенденции исследования роли отца в родительстве. *Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение*. 2019. № 1-2. С. 27–31. [Antipova O. L. Psychology of paternity: Trends in research of the role of the father in the parent. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*, 2019, (1-2): 27–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwivrvj>
- Архиреева Т. В. Личностные детерминанты отношения отца к ребенку. *Вопросы психологии*. 2012. № 5. С. 52–61. [Arkhireyeva T. V. Personality determinants of a child's attitude to the father. *Voprosy Psikhologii*, 2014, (5): 52–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyhlen>
- Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы. *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 118–127. [Bezrukova O. N. Values of parenthood: Structure, types, resources. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, (3): 118–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxvztp>
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 94–106. [Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Fatherhood in modern Russia: Meanings, values, practices and intergenerational translation. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, (2): 94–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>
- Бекетова Е. Н., Мамедова Л. В. Классификация ролевых моделей отцовства. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2022. Т. 11. № 4-1. С. 219–226. [Beketova E. N., Mamedova L. V. Classification of role models of fatherhood. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 11(4-1): 219–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvrild>
- Борисенко Ю. В. Психология отцовства. М.-Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. 220 с. [Borisenko Ju. V. *Psychology of fatherhood*. Moscow-Obninsk: IG-SOTsIN, 2007, 220. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tbajmd>
- Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе. *Вопросы психологии*. 2006. № 3. С. 122–131. [Borisenko Ju. V., Portnova A. G. The problem of fatherhood in modern society. *Voprosy Psikhologii*, 2006, (3): 122–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcbpzp>
- Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. *Московский психотерапевтический журнал*. 2005. № 2. С. 137–146. [Varga A. Ya., Khamitova I. Yu. Murray Bowen's theory of family systems. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2005, (2): 137–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgcfbb>
- Гулина М. А., Васильева Н. Л. «Отцы и дети»: психоаналитический взгляд на роль отца в развитии личности ребенка. *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 4. С. 151–168. [Gulina M. A., Vasilyeva N. L. "Fathers and children": Psychodynamic view on father's role in child's development. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018, 26(4): 151–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260410>
- Карельская Л. П. Тенденции развития современного института отцовства. *Наука и образование: современные тренды*. 2015. № X. С. 30–38. [Karelskaya L. P. Trends in the development of the modern institution of fatherhood. *Nauka i obrazovanie: sovremennye trendy*, 2015, (X): 30–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vspxit>
- Клепцов Н. Н., Клепцова Е. Ю. Отцовство в юнгианской психологии. *Человеческий капитал*. 2023. № 4. С. 180–185. [Kleptsov N. N., Kleptsova E. Yu. Fatherhood in Jungian psychology. *Human capital*, 2023, (4): 180–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2023.04.20>

- Клепцов Н. Н., Клепцова Е. Ю. Феномен отцовства в современном обществе. *Человеческий капитал*. 2021. № 2. С. 81–89. [Kleptsov N. N., Kleptsova E. Yu. The phenomenon of fatherhood in modern society. *Human capital*, 2021, (2): 81–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2021.02.07>
- Колодина А. В. Представления родителя о ребенке как фактор детско-родительских отношений. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2016. № 2. С. 69–77. [Kolodina A. V. Representation of the parent of the child as factor of the child parental relations. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2016, (2): 69–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdxztl>
- Латышева Ю. А. Феномен отцовства: современные исследования. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2013. Т. 19. № 1. С. 47–51. [Latesheva Yu. A. The phenomenon of paternity: Modern research. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serii: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2013, 19(1): 47–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcellz>
- Марковская И. М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми. *Журнал практического психолога*. 1998. № 3. С. 24–25. [Markovskaya I. M. Questionnaire for studying the interaction between parents and children. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 1998, (3): 24–25. (In Russ.)]
- Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 75–89. [Rozhdestvenskaya E. Yu. Fatherhood: A liberal trend from "father" to "daddy"? *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2010, (3): 75–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/noatjg>
- Токарева Ю. А., Носкова М. В., Свеженцева Е. А. Феномен современного отцовства: психология детско-родительского взаимодействия отца с ребенком. Екатеринбург: УГМА, 2014. 283 с. [Tokareva Yu. A., Noskova M. V., Svezhentseva E. A. *The phenomenon of modern fatherhood: Psychology of child-parent interaction between father and child*. Ekaterinburg: USMA, 2014, 283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrjyej>
- Чикалова Е. А. Отцовство в фокусе западных социологических и психологических исследований: проблемы и перспективы. *Петербургская социология сегодня*. 2016. № 7. С. 201–215. [Chikalova E. A. Fatherhood in focus of Western sociological and psychological research: Problems and prospects. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2016, (7): 201–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhrygr>
- Шевченко И. О. Эволюция научных исследований отцовства. *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 3. С. 175–196. [Shevchenko I. O. Evolution of scientific research on fatherhood. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023, 14(3): 175–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>
- Янак А. Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 2. С. 124–131. [Yanak A. L. Father involvement in different types of families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2018, (2): 124–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwpood>
- Baker C. E. When daddy comes to school: Father–school involvement and children’s academic and social–emotional skills. *Early Child Development and Care*, 2016, 188(2): 208–219. <https://doi.org/10.1080/03004430.2016.1211118>
- Downer J., Campos R., McWayne C., Gartner T. Father involvement and children’s early learning: A critical review of published empirical work from the past 15 years. *Marriage & Family Review*, 2008, 43(1–2): 67–108. <https://doi.org/10.1080/01494920802010264>
- Lamb M. E., Pleck J. H., Charnov E. L., Levine J. A. A biosocial perspective on parental behavior and involvement. *Parenting across the life span: Biosocial dimensions*, ed. Altmann J. NY: Routledge, 1987, 111–142.
- Marks L., Palkovitz R. American fatherhood types: The good, the bad, and the uninterested. *Fathering*, 2004, 2(2): 113–129.
- Schneider W. *Die neuen Vater. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft*. Augsburg: AV-Verlag, 1989, 177.
- The role of the father in child development*, ed. Lamb M. E. Hoboken: Wiley, 2010, 672.